

ПРОБЛЕМА ПОДРАЖАНИЯ В НАУКАХ О КУЛЬТУРЕ

Подражание имеет место в самых разных сферах культуры, его анализом занимаются такие дисциплины, как лингвистика, психология, философия науки, этология и др. Подражание выступает либо как непосредственно наблюдаемый феномен, либо как средство объяснения. М. А. Розов строит теорию социальных эстафет, где показывает, что наша Культура в итоге живет и передается от поколения к поколению на уровне постоянного воспроизведения непосредственных образцов поведения. Существенно при этом, что работа в традициях не только не противоречит новациям, но и является условием новаций.

Ключевые слова: культура, подражание, социальные эстафеты, непосредственные образцы, правила, традиции, новации.

Необходимость развернутых исследований феномена подражания, осмысления его роли в культуре объясняется тем, что в основе очень важных сторон жизни человека лежат действия по образцу, «копирование» этих действий, благодаря чему человек усваивает множество практических умений, прежде всего язык. К исследованию подражания обращаются социолог и социальный психолог Габриэль Тард, социолог Э. Дюркгейм, выдающийся русский филолог, литературовед А. Н. Веселовский, известный фольклорист А. Я. Пропп, специалист по этике М. Оссовская, американский этнограф М. Мид, палеопсихолог Б. Ф. Поршнев, философы науки Т. Кун, Ст. Тулмин, К. Поппер, М. Полани, М. А. Розов, лингвисты Н. Хомский, Д. Слобин, психологи В. Мак-Дауголл, А. Валлон, Л. С. Выготский, этолог Б. П. Мантейфель, которого интересуют особенности поведения живых существ.

Как видим, подражание имеет место в самых разных сферах культуры, его анализом занимаются очень разные дисциплины. Неодинакова и степень их проникновения в эту тему – от «Законов подражания» Г. Тарда – специальной монографии, где представлена глобальная картина «общества как подражания», сформулированы даже законы, – до таких работ, где рассматривается роль подражания в какой-то одной сфере

человеческого поведения, где основной интерес автора сосредоточен не на проблемах подражания, а на совсем других вопросах, например, как ребенок усваивает язык, происходит ли это благодаря подражанию. Хомский, и вслед за ним Слобин дают отрицательный ответ на последний вопрос, и, тем не менее, Хомский – это выдающийся лингвист и его анализ этой проблемы, его утверждения, что ребенок усваивает язык не на базе подражания, а благодаря овладению правилами, – высвечивает существенные проблемы для нашей темы.

Рассмотрим, в каких *ситуациях* у гуманитариев возникает интерес к подражанию. Отметим прежде, что иногда тот или иной исследователь сам пишет, что именно определяет его интерес, а чаще – этого нет, и приходится восстанавливать причины подобного интереса. Тард, Веселовский и Пропп полагают, что апеллируя к подражанию, они могут так представить объекты своего исследования, что это приведет к превращению соответствующих областей знания в *научные дисциплины*, ибо подражание дает *повторяющиеся* факты, что является одним из необходимых условий науки. Так, Тард спрашивает, почему социальная наука до сих пор находится всего лишь в зародыше, и отвечает: «полагали, что социологии не иначе можно придать научную

окраску, как, только присвоив ей биологический или, еще лучше, механический характер» [1892. С. 1], что ошибочно, так же, как и сводить социальные изменения к капризам великих людей. Социальные изменения, по его мнению, объясняются возникновением изобретений или открытий, которые распространяются путем подражания, вынужденного или добровольного, обдуманного или бессознательного. «Накопление однородных действий, точно скопированных одни с других, вносит, несомненно, гораздо больше обновления в наши общества, чем всякая революция. И можно ли указать на что-либо более скучное и однообразное, чем независимая жизнь дикаря в сравнении со связанною разными ограничениями жизнью цивилизованного человека? Возможен ли был бы прогресс в мире органическом без наследственности?» [Там же. С. 6]. Благодаря подражанию социология как новая отрасль науки входит в сферу сходств и повторений, она может сравнивать их между собою – повторения, следовательно, необходимы для видоизменений.

А. Н. Веселовский рассуждает примерно так же, стремясь поднять теорию литературы на ступень специальной науки. Он пишет: «Изучая ряды фактов, мы замечаем их последовательность, отношение между ними последующего и предыдущего; если это отношение повторяется, мы начинаем подозревать в нем известную законность» [1989. С. 37]. Эту «законность» ученый и исследует: «Интриги, находящиеся в обращении у романистов, сводятся к небольшому числу, которое легко свести к еще меньшему числу более общих типов: сцены любви и ненависти, борьбы и преследования встречаются нам однообразно в романе и новелле, в легенде и сказке, или, лучше сказать, однообразно провожают нас от мифической сказки к новелле и легенде и доводят до современного романа» [Там же. С. 40].

По мнению А. Н. Веселовского, поэтическое творчество ограничено известными, определенными *формулами, устойчивыми мотивами*, которые одно поколение приняло от предыдущего, *прообразы* которых неизбежно встречаются в эпической старине и далее, на ступени мифа. Наряду со стремлением сделать историю литературы наукой А. Н. Веселовский хочет открыть тайну *личного* творчества. Он считает, что в основе всякого гениального произведения лежит

невзрачная легенда, уже хорошо известная людям. Исследователю, придающему большое значение традиции, очень важно объяснить, откуда берутся новации, ибо если в рамках соответствующей модели не предложить механизм новаций, то это значит, что модель ущербна.

В. Я. Пропп хочет мыслить в фольклористике так же, как в ботанике, это поможет сделать фольклористику наукой, разработать методы исследования морфологии сказки. Здесь, как и у Веселовского, мы имеем дело со специфической формой подражания – подражанием продукту деятельности, ее результату, а не самой деятельности.

Другие авторы, пишущие о подражании, в первую очередь интересуются особенностями человеческого *поведения*. Рассмотрим, какие аспекты поведения привлекают их внимание. Так, Дюркгейм изучает причины самоубийств и в этой связи спрашивает, не вызывается ли суицид подражанием? И даже приводит целый ряд случаев, когда за одним определенным случаем ухода из жизни иногда следовала целая серия аналогичных поступков. Именно в связи с интересом к основному объекту своего исследования Дюркгейм и рассматривает, что такое подражание, как его можно понимать.

Марию Оссовскую интересует специфика моральных оценок и норм, с тем, чтобы вычленил те черты, которые отличают их от оценок и норм в других областях. Для того чтобы решить эту задачу, она использует понятие «личностный образец», понимая под этим вымышленное или реальное лицо, *вынуждающее* людей к подражанию.

Этнограф Маргарет Мид исследует причины конфликтов между поколениями. Она рассматривает воспитание как социальный механизм передачи культуры и предлагает в связи с этим типологию культур в зависимости от того, кому именно *подражает* подрастающее поколение [1988].

Б. Ф. Поршнев называет свою работу палеопсихологией и предлагает реконструкцию начального этапа становления человеческого общества, при этом подражание играет в его модели центральную роль. Он считает, что переход к человеку не может быть ни чем иным, как *качественно новым взлетом торможения*. Прежняя система торможения реактивности, присущая животным, должна переключиться на систему

высшего порядка. Существенную роль в этом может сыграть только один *природный* механизм – *сила имитации*, заразительная помимо какого бы то ни было подкрепления [1974. Гл. 5].

Психологи обращаются к подражанию, с одной стороны, когда хотят объяснить, как формируется новое поведение – здесь подражание выступает как *средство*. С другой, нетрудно обнаружить у них и самостоятельный интерес именно к подражанию как специфической форме поведения, когда они устанавливают функции отдельных видов подражания, формы подражания, выявляют родство подражания с ориентировочно-исследовательской деятельностью и т. п.

О подражании говорят и в этологии, науке о поведении животных. Этология, конечно, не является областью гуманитарного познания, однако это и не сугубо биологическая наука, поскольку исследует *поведение* живых существ. Ее проблематика существенно пересекается с проблематикой наук о поведении человека. Этология демонстрирует, что животным уже присуща способность подражания, которое является мощным адаптогенным фактором, и именно благодаря подражанию животное усваивает необходимый опыт, приспосабливаясь к быстро меняющимся условиям среды [Мантейфель, 1987].

В философии науки Т. Кун рассматривает работу в традиции как необходимый элемент научной деятельности, без введения которого он не может объяснить, как вообще возможна нормальная научная работа – обнаружение головоломок, их разрешение и т. п. Обращение к традиции в данном случае – это средство построения модели науки. Это же имеет место в модели науки М. А. Розова, с той только разницей, что он рассматривает не одну традицию – парадигму, в которой, по мнению Куна, работает ученый, а множество традиций, отличающихся как по содержанию, так и по функциям. Розов выделяет, например, программы получения знаний, нормирующие деятельность ученого, а также коллекторские программы – программы отбора, организации и систематизации знания [2006. Гл. 9].

Мы выяснили, что подражание выступает либо как непосредственно наблюдаемый феномен, либо как средство объяснения, т. е. как нечто, наличие чего необходимо допустить, чтобы понять эмпирически дан-

ные явления. Конечно, и тогда, когда подражание вводят как элемент объяснения таких объектов, как общество, наука или литературное творчество (Тард, Кун, Веселовский), есть некоторые эмпирические «подсказки», почему в качестве средства объяснения выбрано именно подражание. Тард указывает, например, на такие явления, как обычай, мода, сходство производственных и иных навыков в разных культурах, что объясняется заимствованиями. Веселовский обращает внимание на невзрачные легенды, лежащие в основе гениальных произведений, на бродячие сюжеты и т. п.

Далеко не все ученые в области социологии, философии науки, теории литературы принимают подражание, работу в традициях как «последний» объясняющий фактор. Важно в этом отношении, прежде всего, то, что и Тард, и Веселовский, и Кун, и Розов (в теории социальных эстафет) придают подражанию принципиальный характер, считают его основой человеческой культуры, такой основой, которая уже не нуждается в объяснении. В частности, все они *не ставят* на первое место такую особенность поведения, как творчество, оно является производным от работы в традициях. А именно этот фактор многие социальные мыслители выдвигают на первый план при объяснении того, что такое человек, что такое общество, наука и т. п. Для того чтобы в полной мере показать роль подражания в культуре, необходимо дать ответ на вопрос, что такое человеческое поведение, как оно в принципе организовано. В частности, требуется решить, как распространяется подражание, какую роль в этом играет язык, что такое сам язык, как и где он существует в культуре. Рассмотрим, какие ответы на эти вопросы предлагает теория социальных эстафет М. А. Розова, где в чистом виде, на модели изучается подражание, вводится представление о социальных эстафетах как некоторых исходных, базовых механизмах социальной памяти и показывается, что «наша Культура в конечном итоге живет и передается от поколения к поколению на уровне постоянного воспроизведения непосредственных образцов поведения» [1998. С. 8].

Теория социальных эстафет предлагает категориальный аппарат, с помощью которого можно описать уже накопленный эм-

пирический материал. В ее рамках, в частности, различаются действия по образцу (непосредственные эстафеты) и опосредованные эстафеты – когда деятельность транслируется через описание [Розов, 2006. Гл. 2]. В своих работах Дюркгейм, Мид, Поршневу, Полани, по сути дела, рассматривают только непосредственные эстафеты, т. е. ситуации, когда человек действует по образцу, находящемуся в поле его зрения. Тард же, описывая, как с помощью «изобретений» и последующего «подражания» развиваются языки, верования, распространяется большинство производственных навыков, мода и т. п., не делал фактически различий между подражанием непосредственным образцам действий и воспроизведением действий по описаниям. Он полагал при этом, что язык – основа для подражания, а это значит, что он, как теоретик подражания, допускает только опосредованные эстафеты. Анализируя же реальные факты, в частности распространение языков, производственных навыков и т. п., Тард принимает во внимание и непосредственные эстафеты, не подчеркивая, правда, что подобные навыки сплошь и рядом не вербализуются и специально не описываются.

Мы уже упоминали, что, рассматривая подражание, обсуждают и вопрос о новациях. Он актуален для тех авторов, которые говорят о глобальности подражания – либо в целом в масштабе всей культуры, как Тард, либо – в рамках какой-то одной сферы культуры, как Веселовский (при объяснении литературного творчества), М. А. Розов – и как работающий исследователь в философии науки, и как автор теории социальных эстафет. Все они предлагают, по сути, один и тот же механизм новаций – «встречу двух подражаний» (Тард), «пересечение» традиций или социальных программ (М. А. Розов). В дальнейших работах М. А. Розов показывает, что источником нового является смена контекста существования эстафет [1981; 2006]. В теории литературного творчества, предложенной А. Н. Веселовским, вероятно, можно усмотреть ту же идею: «невзрачная легенда», которая стала основой сюжета такого автора, как Уильям Шекспир или Александр Пушкин, приобретает другое звучание, обретает жизнь в ином контексте.

Обсуждается в культуре и вопрос о правилах, в рамках которых действуют люди.

Кун пишет: «Проблема, классифицируемая как головоломка, должна быть охарактеризована не только тем, что она имеет гарантированное решение. Должны существовать также правила, которые ограничивают как природу приемлемых решений, так и те шаги, посредством которых достигаются эти решения» [1977. С. 63]. И далее: «Очевидно, что существуют *правила*, которых придерживаются все ученые профессионалы в данное время, тем не менее, эти *правила* сами по себе не могут охватить все то общее, что имеется в различных видах нормального исследования. Нормальная наука – это в высокой степени детерминированная деятельность, но вовсе нет необходимости в том, чтобы она была полностью детерминирована определенными *правилами*. Вот почему в начале настоящего очерка я предпочел ввести в качестве источника согласованности в традициях нормального исследования принцип общепринятой парадигмы, а не общепринятых *правил*, допущений и точек зрения. *Правила*, как я полагаю, вытекают из парадигм, но парадигмы сами по себе могут управлять исследованием даже в отсутствие *правил*» (курсив мой. – Л. С.) [Там же. С. 68].

Однако невозможно знать *все* правила, которые управляют деятельностью ученого, поэтому Кун и говорит, что он предпочел задать единство нормальной науки не с помощью правил, а с помощью парадигмы: «В самом деле, существование парадигмы даже неявно не предполагало обязательного наличия полного набора правил» [Там же. С. 71]. Здесь Кун ссылается на Майкла Полани, который, по его мнению, блестяще развил сходную тему, доказывая, что многие успехи ученых зависят от «скрытого знания», т. е. от знания, которое определяется практикой и которое не может быть разработано эксплицитно.

Если какой-то ученый не признает роль подражания в усвоении навыков, языка и т. п., то альтернативой этому является только утверждение, что человек в таком случае действует по правилам. Именно это и имеет место в представлениях Н. Хомского о том, как усваивается язык. Не согласный с тем, что в основе усвоения языка лежит подражание, Хомский пишет: «Грамматика языка должна содержать систему правил, характеризующую глубинные и поверхностные структуры и трансформационное от-

ношение между ними и при этом... применимую к бесконечной совокупности пар глубинных и поверхностных структур. ...Она должна также содержать правила, которые соотносят эти абстрактные структуры с определенными репрезентациями в звуке и в значении – репрезентациями, которые, предположительно, состоят из элементов, принадлежащих, соответственно, универсальной фонетике и универсальной семантике» [1972. С. 28]. «Очевидно, знание языка – заложенная в человеке система правил», – заключает американский лингвист.

Слобин как психолингвист, который *эмпирически* изучает процессы усвоения языка детьми, более реалистично говорит о том, что значит овладеть системой правил в процессе усвоения языка. Он пишет предельно осторожно – «мы овладеваем чем-то, что психологически эквивалентно системе правил» и поясняет дальше, что «психолингвисты, говоря о *правилах*, вовсе не предполагают, что люди могут эксплицитно сформулировать правила себе, могут управлять исследованием даже в отсутствие *правил*» [Слобин, Грин, 1976. С. 29].

В заключение хотелось бы подчеркнуть, что тема подражания в культуре отнюдь не исчерпана нами, что нельзя признать ее маргинальной темой, ушедшей в прошлое. Не должна смущать разнородность анализируемого эмпирического материала и высказываемых теоретических мнений. Напротив, наблюдается в чем-то удивительное единодушие видных ученых, изучающих самые разные процессы, идущие в культуре. Как нам кажется, необходимо на новом уровне попытаться объединить усилия гуманитариев, интересующихся феноменом подражания. С нашей точки зрения, первым шагом на этом пути является осознание важности и значимости самой темы, а также возможности преодоления дисциплинарных барьеров при ее исследовании, ибо действительно,

«воспроизводя образцы живой речи, мы учимся говорить, на базе образцов рассуждения усваиваем правила логики, находясь в среде других людей, перенимаем формы их поведения, элементарные трудовые навыки, типы реакций на те или иные события» [Розов, 1998. С. 9].

Список литературы

Веселовский А. Н. Историческая поэтика. М.: Высш. шк., 1989.

Кун Т. Структура научных революций. М.: Прогресс, 1977.

Мантейфель Б. П. Опосредованное обучение // Экологические и эволюционные аспекты поведения животных. М.: Наука, 1987.

Мид М. Культура и преемственность. Исследование конфликта между поколениями // Мид М. Культура и мир детства. Избранные произведения. М.: Наука. Гл. ред. вост. лит., 1988. С. 322–362.

Поршнев Б. Ф. О начале человеческой истории (проблемы палеопсихологии). М.: Мысль, 1974.

Розов М. А. Пути научных открытий // Вопр. философии. 1981. № 8. С. 138–147.

Розов М. А. Теория социальных эстафет и проблемы эпистемологии. Смоленск, 2006. 439 с.

Розов М. А. Что такое теория социальных эстафет? // Идея подражания в гуманитарном познании в очерках и извлечениях. Новосибирск, 1998. С. 7–17.

Слобин Д., Грин Дж. Психолингвистика. М.: Прогресс, 1976.

Тард Г. Законы подражания. СПб.: Изд. Ф. Павленкова, 1892.

Хомский Н. Язык и мышление. М.: Изд-во МГУ, 1972. 122 с.

Материал поступил в редколлегию 20.06.2012

L. S. Sycheva

IMITATION IN CULTURAL STUDIES

Imitation takes place in different spheres of culture, it is analyzed in linguistics, psychology, philosophy of science, ethology and other scientific disciplines. Imitation is revealed either as a directly observable phenomenon, or as a means of interpretation. In the framework of the theory of social relay races, proposed by M. A. Rozov, imitation is the way of life of our Culture, that is transmitted by continuous reproduction of visible patterns of behavior. It is essential that the tradition not only doesn't contradict innovations, but is also a condition for them.

Keywords: culture, imitation, social relay races, direct examples of behavior, rules, traditions, innovations.